

Евгений Замятин. Ловец человек

Повесть

Источник: Е. И. Замятин; Избранные произведения в двух томах; Том первый.
Изд-во: "Художественная литература", Москва, 1990.
OCR: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com).
Правка: Яков Кесельман (yakovkeselman@yahoo.com), 26 января 2005.
Библиотека Александра Белоусенко - <http://belousenkolib.narod.ru>

1

Самое прекрасное в жизни - бред, и самый прекрасный бред - влюбленность. В утреннем, смутном, как влюбленность, тумане - Лондон бредил. Розово-молочный, зажмурясь, Лондон плыл - все равно куда.

Легкие колонны друидских храмов - вчера еще заводские трубы. Воздушно-чугунные дуги виадуков: мосты с неведомого острова на неведомый остров. Выгнутые шеи допотопно огромных черных лебедей-кранов: сейчас нырнут за добычей на дно. Вспугнутые, выплеснулись к солнцу звонкие золотые буквы: "Роллс-ройс, авто" - и потухли. Опять - тихим, смутным кругом: кружево затонувших башен, колыхающаяся паутина проволок, медленный хоровод на ходу дремлющих черепах-домов. И неподвижной осью: гигантский каменный фаллос Трафальгарской колонны.

На дне розово-молочного моря плыл по пустым утренним улицам органист Бэйли - все равно куда. Шаркал по асфальту, путался в хлипких, нелепо длинных ногах. Блаженно жмурил глаза; засунув руки в карманы, останавливался перед витринами.

Вот сапоги. Коричневые краги; черные, огромные вотерпруфы; и крошечные лакированные дамские туфли. Великий сапожный мастер, божественный сапожный поэт...

Органист Бэйли молился перед сапожной витриной:

- Благодарю тебя за крошечные туфли... И за трубы, и за мосты, и за "роллс-ройс", и за туман, и за весну. И пусть больно: и за боль...

На спине сонного слона - первого утреннего автобуса - органист Бэйли мчался в Чизик, домой. Кондукторша, матерински-бокастая, как булка (дома куча ребят), добродушно приглядывала за пассажиром: похоже, выпил, бедняга. Эка, распустил губы!

Губы толстые и, должно быть, мягкие, как у жеребенка, блаженно улыбались. Голова, с удобными, оттопыренными и по краям завернутыми ушами, покачивалась: органист Бэйли плыл.

- Эй, сэр, вам не здесь слезать-то?

Органист удивленно разожмурился. Как: уже слезать?

- Ну, что, выпили, сэр?

Жеребьячи губы раскрылись, органист мотал головой и счастливо смеялся:

- Выпил? Дорогая моя женщина: лучше!

По лесенке двинулся с верхушки автобуса вниз. Внизу, в тумане, смущенно жмурились, молочно-розовыми огнями горели вымытые к воскресенью окна Крагтсов. Солнце шло вверх.

Органист вернулся к кондукторше, молча показал ей на окна и так же молча - обнял и поцеловал ее мягкими, как у жеребенка, губами. Кондукторша обтерлась рукавом, засмеялась, дернула звонок: что с такого возьмешь?

А органист - нырнул в переулочек, ключом отомкнул тихонько заднюю калитку своего дома, вошел во двор, остановился возле кучи каменного угля и через кирпичный заборчик поглядел наверх: в окно к соседям, Крагтсам. В окне - белая занавеска от ветра мерно дышала. Соседи еще спали.

Снявши шляпу, стоял так, пока на занавеске не мелькнула легкая тень. Мелькнула, пророзовела на солнце рука - приподняла край. Органист Бэйли надел шляпу и пошел в дом.

2